

Александра Девиль

Середина XVIII века, Глухов — столица Гетманщины. Балы, театры, кофейни, английские парки, французские моды... К очередному приезду гетмана готовится театральная постановка. И вдруг одна за другой погибают две молодые актрисы. Опасность грозит и Анастасии Криничной, исполняющей в пьесе главную роль...

Решить зловещую загадку берется человек, который в начале знакомства показался Насте весьма подозрительным.

Чужой кляд

Александра Девиль

Чужой кляд

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7658-1

9 786171 276581

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Александра Девиль

Чужой край

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-7658-1

© Кравченко А. П., 2012, 2018
© DepositPhotos.com / phb.
cz, обложка, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ЧУЖОЙ КЛАД,
ИЛИ
ОЗЕРО СТРАХА

Глава первая

Встреча в лесу

Солнце, вынырнув из-за облака, засияло сквозь кроны деревьев, бросило причудливые тени на траву лесной поляны, еще сырую после недавнего дождя. Начинался июнь, и лес манил той удивительно свежей и нарядной зеленью, какая бывает лишь на заре лета.

Анастасию не пугал лес. Здесь, в окрестностях Глухова, он был не настолько обширным и дремучим, чтобы в нем можно было всерьез заблудиться или нарваться на хищного зверя. Впрочем, в случае крайней опасности девушка могла воспользоваться пистолетом, из которого ее научил стрелять еще покойный отец. Казацкая дочь Анастасия Криничная вообще не чуждалась ратных премудростей, — хотя всякий, кто взглянул бы на ее хрупкую фигурку, ни за что бы о том не догадался. Трудно было поверить, что эта девушка с тоненькой талией, лебединой шеей и кошачьей грацией движений способна к скачке на резвой лошади или меткому выстрелу с расстояния двадцати шагов. Правда, в живую мишень ей пока не доводилось стрелять, но Настя сама себя уверяла, что если будет в том необходимость, то сможет, не оплошает.

Хоть лес и был невелик, девушка скоро поняла, что, кажется, немного заблудилась. Можно было аукнуть, позвать своих спутников, однако Настя решила пока этого не делать, а самостоятельно найти тропинку к лесному озеру, от которого уже легко было добраться до окрестностей Глухова.

Сия вылазка в лес была предпринята Анастасией совместно с ее новой подругой Ольгой, Ольгиным женихом Тарасом

и его дядей — пожилым казаком Саввой, для того чтобы отыскать легкомысленную девицу Раину, ушедшую вечером на свидание с неким «гарным хлопцем», да так и не вернувшуюся утром домой.

Настя, Ольга и Раина не были связаны между собой родственными узами, их семьи не принадлежали к одному сословию, и познакомились девушки недавно, полмесяца назад, когда разными путями и по разным причинам оказались в Глухове — новой столице, где уже более пяти лет располагалась резиденция его ясновельможности гетмана обеих сторон Днепра и Войск Запорожских, президента Академии наук, подполковника лейб-гвардии Измайловского полка графа Кирилла Разумовского, старший брат которого, Алексей, был необъявленным супругом императрицы Елизаветы Петровны.

Через пятнадцать лет после смерти Даниила Апостола, бывшего гетманом еще в мрачные времена Анны Иоанновны и Бирона, Елизавета Петровна своим указом положила конец периоду межгетманства, и верховным правителем Украины стал юноша из простой казацкой семьи, волею судеб получивший и власть, и блестящее образование.

Гетман Разумовский не был похож на предшественников, носивших этот титул. Выучившись в Европе, привыкнув к жизни петербургского высшего света, он скучал в своей гетманской столице, а уж его высокородная супруга Екатерина Нарышкина — и подавно. Потому-то, наезжая сюда по мере необходимости, Кирилл Григорьевич хотел видеть вокруг подобие пышного северного двора. Стараниями многочисленных слуг гетмана, под руководством его ментора графа Теплова, Глухов стал маленьким Петербургом. Во дворце играли оперы и французские комедии, на которые приглашался знатный люд. Корпусное офицерство Гетманщины стремительно превращалось в дворянство, шляхетство. В гетманской столице появлялись кофейни, в которых любили проводить время глуховские дворяне, одетые и причесанные теперь по парижской моде. Балы, спектакли и охоты сопровождали каждый приезд Кирилла Григорьевича в его роскошную резиденцию. Коллежский советник Теплов, игравший при молодом гетмане

важнейшую роль, сближался с местными аристократами и образованными людьми, менялся с ними книгами и старался показать себя главным лицом во всех увеселительных и просветительских кампаниях.

В начале июля ожидалось прибытие гетмана из Петербурга, и к его приезду готовилось театральное представление. Теплов распорядился, чтобы постановок было не меньше двух: итальянская опера и французская комедия. Главным исполнителем, отвечавшим за успех театрального дела, был Иван Леонтьевич Шалыгин, человек образованный, хоть и простого происхождения, но, главное — до самозабвения преданный музе театра.

Когда гетман подолгу пребывал в своей резиденции, придворная жизнь здесь кипела, одна итальянская труппа сменяла другую, во дворце играл личный оркестр Кирилла Григорьевича, а празднества, по примеру петербургских, сопровождались фейерверками и пушечной пальбой. Но сейчас в Глухове было затишье, поскольку гетмана надолго задержали в двух северных столицах его обязанности президента Академии наук. К огорчению добросовестного Шалыгина, не имелось малейшей возможности заполучить в ближайшее время хотя бы нескольких итальянских певцов, дабы поставить оперу. Единственным итальянцем, пребывавшим сейчас при гетманском дворе, был второразрядный музыкант и капельмейстер синьор Валлоне, на которого, однако, Ивану Леонтьевичу приходилось полагаться ввиду отсутствия собственного музыкального образования.

Застигнутый врасплох поручением Теплова, Иван Шалыгин стал спешно собирать местные таланты. Впрочем, недостатка в хороших голосах не было, — недаром певчих для придворной капеллы обыкновенно везли в Петербург из Украины. Но кроме голоса и красивой внешности требовался еще актерский талант и умение держаться, — и вот с этим-то было труднее всего. Особенно намучился Шалыгин с женской половиной труппы, — ибо девушки простого звания были неграмотны и слишком стеснительны, а знатных не пускали родители, считая актерство делом непочтительным и зазорным.

Так вот, именно театральная постановка, которую готовил Шалыгин к приезду гетмана, познакомила и отчасти сдружила Анастасию, Ольгу и Раину.

Ольга была дочерью священника из небогатого прихода, человека грамотного и успевшего дать ей некоторое образование. В тринадцать лет осиротев, девушка уже пятый год жила в Глухове у тетки, женщины суровой и равнодушной к судьбе племянницы. С Шалыгиным Ольгу познакомил ее жених Тарас, который сам хорошо пел и играл на бандуре. Тарас тоже рано остался сиротой, но брат его матери, старый бобыль Савва, был, в отличие от Ольгиной тетки, человеком добрым и отзывчивым. Он воспитывал племянника с десяти лет и, заметив способности парня к музыке, привел его в церковный хор, откуда Тарас попал и в гетманский театр.

Раина была из семьи многодетных глуховских мещан. Родители жили бедно, отличались безалаберным нравом, и в доме вечно царил шум, беспорядок и толкотня. Никто и не возражал, когда смышленую и голосистую Раину выбрали для театра. Домашние едва ли задумались о пристойности актерского ремесла, но зато обрадовались, что одним ртом в доме будет меньше.

Сложней всего обстояло дело с Анастасией. Ее мать, родовитая и уважаемая вдова Татьяна Степановна, даже и подумать не могла о выступлении дочери в театре. Но Насте поспособствовали некоторые обстоятельства. Месяц назад в Кринички приехал племянник Татьяны Степановны, сын ее старшей сестры Феодосии Илья Борович со своей молодой женой Гликерией. Супруги Боровичи, живя в Глухове, пытались изо всех сил приблизиться к гетманскому дому. Илья прилично знал французский и немного — итальянский, а Гликерия была обучена пению и танцам, — и сам Теплов попросил их поддержать растущий театр «маленького Петербурга». Приехав в Кринички, Боровичи стали уговаривать кузину Анастасию выступить на сцене если не в опере (голос у Насти был приятен, но не слишком силен), так хотя бы в комедии, где петь почти не надо, зато требуется уверенно двигаться по сцене, живо и четко выговаривать реплики, иметь хорошую память

и красивую внешность, — а у Насти все это было. Впрочем, девушку и уговаривать не пришлось, она сама давно бредила театром и поэзией, читала все книжки, какие попадались ей под руку, и не хуже брата знала французский язык. Но куда трудней было убедить Татьяну Степановну. Понадобилось все красноречие дочери, племянника и Гликерии, которую вдова называла «лукавой Лукерьей», чтобы растопить лед ее сопротивления. Ей говорили о том, что при французском дворе даже очень знатные дамы почитают за удовольствие играть в трагедиях и комедиях. Но пример маркизы де Помпадур не убедил вдову Криничную. Тогда напомнили о Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, где молодые дворяне сами ставили любительские спектакли и играли в них. Этот довод несколько поколебал вдову — ведь в кадетском корпусе учился и частенько играл в спектаклях Мишенька Херасков¹, покойный родитель которого был дальним родственником Татьяны Степановны по отцовской линии. И наконец, последним козырем явилось напоминание о том, что Алексей Григорьевич Разумовский, сам прекрасный певец, покровительствует театрам, а Елизавета Петровна во времена своей молодости пела и сочиняла песни, а сейчас собирается основать в Петербурге первый государственный театр, где играть будут не иноземцы, а свои, русские и украинские актеры.

Оглушенная тройным хором голосов, вдова сдалась и отпустила дочь в Глухов. Но перед отъездом, перекрестив ее на дорожку, все-таки не удержалась от ворчания и наставлений:

— Помни, что ты не простая казачка, а дворянского рода.

— Ах, мамочка, дворянского, боярского или шляхетского — это теперь все равно, — усмехнулась дочь и тут же процитировала Михаила Хераскова: «Не титул славу нам сплетает, не предков наших имена — одни достоинства венчают, и честь венчает нас одна».

— Господи, и откуда ты только набираешься такого... вольтерьянства, — вздохнула мать, качая головой. — Зря я тебе учителей нанимала, ох зря...

¹ М. М. Херасков — известный русский поэт и драматург XVIII века.

Долго стояла у дороги Татьяна Степановна и глядела, как коляска, запряженная двойкой резвых лошадей, увозит в неизвестность ее единственное дитя. Так уж распорядилась судьба, что никого, кроме Насти, да еще племянника Ильи, у нее на этом свете не осталось...

Отец Татьяны, молдавский боярин Стефан Фалешти, в молодые годы был среди тех, кто поднял восстание против турецкого владычества. После того как турецко-татарская армия в неравном бою разбила русские и молдавские войска под Яссами, Стефан, как и господарь Дмитрий Кантемир, как и боярин Матвей Херасков, вынужден был переселиться в Россию. После некоторых скитаний Стефан Фалешти (называвшийся уже Степаном Флештиным) осел на Полтавщине, где женился на дочери местного помещика. Здесь родились у него две девочки и сын, который в девятнадцать лет геройски погиб под Хотинном. Когда дочери выросли и пришла пора определять их замуж, старшая, Феодосия, всегда желавшая знатности и славы, выбрала себе в мужья офицера из шляхетского рода. Татьяна же всех удивила, влюбившись в казака Михайлу Криничного и настояв на замужестве с ним. Правда, Михайла был из казацкой старшины и имел соответственные права и привилегии, но, тем не менее, родные Татьяны посчитали такой брак неудачным, а Феодосия называла его французским словом «мезальянс». Как бы там ни было, но младшая дочь дворян Флештиных, обвенчавшись, переехала в мужнино поместье, которое выросло из дедовской «займанщины» и после земельных пожалований за храбрую службу представляло не такое уж малое владение. Заселена земля в Криничках была в основном «подсуседками»¹, которых Михаил не обижал, но умел строго держать в руках. В конце концов родители Татьяны, поразмышляв, смирились с ее браком и успокаивали себя тем, что казацкая старшина почти во всем приравнивается к наследственному служилому дворянству.

¹ Подсуседки — крестьяне, переселявшиеся в XVII—XVIII веках из Правобережной Украины на займки («займанщины») и пустые земли левого берега. Отношение владельца к подсуседкам нормировалось договором или общей практикой.

Михаил Криничный не был казаком только по названию; он свою военную службу исполнял честно, не прячась от опасностей. Был ранен под Хотинном, а во время войны за австрийское наследство погиб, отбиваясь от вербовщиков прусского короля Фридриха.

Тогда многое сделалось неладно в жизни Татьяны Степановны. Родители ее тоже вскоре умерли, а сама она не очень-то умела управляться с крестьянами и слугами по причине своей излишней доверчивости. Впрочем, кое-как она удержала имение и постепенно научилась быть настоящей хозяйкой. Что же касается Феодосии, то в ее судьбе уже давно полосой пошли несчастья. Знатный муж оказался пьяницей и игроком, промотавшим почти все состояние, а потом погибшим в нелепой трактирной драке. Феодосии пришлось обращаться за помощью к «неблагородной» сестре, и Татьяна ей, конечно же, не отказала. Восемь лет назад Феодосия умерла, а ее сын Илья, в то время семнадцатилетний юноша, стал частенько гостить у тетки, жалуясь на недостаток собственных средств. Потом, после обучения в Переяславском коллегиуме, он познакомился с ловким человеком по фамилии Заруцкий, и тот пошел в управляющие к Илье, быстро поправил его дела, а вскоре Илья женился на дочери Заруцкого Гликерии. Теперь Илья жил не хуже, хотя и не лучше соседних с ним мелкопоместных дворян, на которых смотрел свысока, ибо они уступали ему в происхождении и образованности.

Настя любила двоюродного брата и его веселую жену, хотя подсмеивалась над их «шляхетской» спесивостью и трусоватым нравом. Вот и сегодня они строго отговаривали ее идти «на поиски какой-то оборванки», твердили, что в лесу можно встретить разбойника и бродягу. Но Настина упрямая натура была такова, что, чем больше ей запрещалось, тем меньше она слушалась.

Показалась просека, и Настя поняла, что идет совсем не в ту сторону. Далее тянулась дубовая роща, стоявшая на рубеже гетманских владений; за ней уже начинались земли кого-то из местных дворян. Вздохнув, девушка повернула обратно. Кажется, она зашла слишком далеко, и вряд ли в этих местах могла оказаться Раина.

Насте послышался отдаленный собачий лай, и она вдруг почувствовала прилив необъяснимого страха. Почему-то подумалось о волках. Настя не была местной жительницей и не знала, можно ли встретить серого хищника в здешнем лесу; говорили, что их тут нет, но вдруг?.. Девушка невольно нащупала рукоять пистолета, висевшего у нее на поясе.

Торопливыми шагами пробираясь по лесной тропинке, Настя огляделась по сторонам, — и внезапно ей показалось, что между деревьями мелькнула человеческая фигура. Стараясь заглушить тревогу и невольный страх, девушка почти бегом устремилась на поляну и решительным голосом позвала:

— Ау! Раина, ты здесь?

В следующий миг из зарослей на поляну с громким лаем выбежала крупная собака и понеслась прямо на Настю. Девушка быстро отступила за ствол толстого дерева. Но тут собаку окликнул хозяин и, удерживая ее за поводок, сам пошел навстречу Насте. Спрятав руку с зажатым в ней пистолетом за спину, девушка на один шаг отступила от дерева и велела незнакомцу:

— Не подходите ко мне, стойте на месте!

Он остановился и окинул ее насмешливым взглядом. В первый момент она даже не разглядела его лица, заметила только, что мужчина молод и одет в охотничий костюм. За плечом у него был карабин, за поясом — нож.

— А я еще не верил в существование лесных фей, — усмехнулся он, продолжая разглядывать Настю с откровенным интересом. — Это ты сбила меня с пути, прелестная нимфа?

Бесцеремонный незнакомец, видимо, принял ее за поселянку. Настя ответила довольно резко:

— Если я нимфа, то вы, должно быть, сатир!

— Сатир? Ха-ха! — Незнакомец рассмеялся, слегка запрокинув голову. — Неужто я так похож на рогатое существо с хвостом? Нет, право, я еще не успел обзавестись рогами, поскольку не имею жены. Но твои слова наводят меня на мысль, что ты... вы образованная девушка. Простите, сударыня, за мое непочтительное обращение. — Он слегка поклонился. — Но, ей-богу, ваш пасторальный наряд... и эти пятнистые волосы... могли кого угодно сбить с толку.

Тут Настя вспомнила, что отправилась в лес прямо с репетиции французской комедии, в которой она изображала пастушку, облачившись в соответственный наряд. А пудра на ее черных волосах не могла, конечно, не осыпаться, когда Настя пробиралась через заросли и ветки задевали ей прическу. Чувствуя невольную досаду и смущение, она в то же время успела заметить, что у незнакомца волосы не напудрены и не завиты в крутые локоны, как у знатных модников, а спадают на плечи густыми и слегка волнистыми прядями пшеничного цвета. Синие глаза его насмешливо блестели из-под темных ресниц, и Насте стоило большого труда выдержать этот взгляд, показавшийся ей дерзким и раздевающим. Незнакомец преграждал путь к нужной тропинке, которая, как рассчитывала Настя, могла привести ее к озеру, и девушка заявила решительным тоном:

— Кем бы я вам ни показалась, прошу освободить мне дорогу. И придержите свою собаку.

Но незнакомец не посторонился ни на шаг, а, прижав руку к груди, сказал:

— Простите, сударыня, я человек приезжий и не знаю здешних мест. И кажется, заблудился в этом заколдованном лесу. Может, вы меня выведете на дорогу?

— Не думаю, что нам по пути, — заявила Настя, мысленно примеряясь, с какой бы стороны обойти странного незнакомца. — Вы, наверное, гостите у здешних помещиков, а я... — Она запнулась, не зная, следует ли что-то рассказывать о себе.

— А вы? — подхватил любопытный собеседник. — Кто эта пастушка, которая изъясняется, как фрейлина? Почему вы ходите по лесу одна? А вдруг бы на моем месте оказался разбойник и насильник?

— Если вы сейчас же меня не пропустите, то я покажу вам, что совсем не фрейлина! — нервно воскликнула Анастасия, оглядываясь по сторонам. — Притом я не одна, здесь близко мои друзья!

Незнакомец бросил взгляд в сторону зарослей и передернул висевший за плечом карабин. Девушке почудилась угроза в его жесте, и она тут же вытащила из-за спины пистолет

и направила его на охотника. Мужчина удивленно присвистнул и покачал головой. Увидев, что он даже не подумал испугаться, Анастасия совсем уж потеряла самообладание и закричала, надеясь привлечь внимание своих отдалившихся спутников:

— Уйди с дороги, разбойник, не то выстрелю!

— Да ты фурия! — сказал незнакомец с наигранным возмущением и потрепал по загривку свою ощетинившуюся собаку. — Вот только как ты успеешь уложить одним выстрелом и меня, и моего верного Пирата? Кто-то из нас двоих обязательно останется жив и отомстит тебе, лесное чудовище. Ладно уж, иди своей дорогой, ведьма с бархатными черными глазами.

Он сложил руки на груди и, подчеркнуто отвернувшись от Насти, удалился на несколько шагов в сторону. Она, не опуская пистолета, выбралась на тропинку и устремилась прочь от опасного места. И вдруг за ее спиной раздался выстрел и прямо перед ней упала на землю крупная сосновая шишка. От неожиданности девушка вскрикнула и невольно оглянулась. Незнакомец стоял посреди поляны и смотрел вслед Анастасии. Солнечный луч подсвечивал его пшеничные волосы, играл на вороненой стали карабина.

— Это салют в твою честь, дикарка! — объявил он громко, и Настя издали заметила, как блеснули в улыбке его белые зубы.

Он опять смеялся над ней, и это было обидно. Девушка постаралась ответить достойно и тоже с насмешкой:

— Хороший охотник не тратит пули на сбивание шишек.

Собака вдруг громко залаяла и помешала Насте слышать ответную реплику незнакомца. Девушка стремительно понеслась вперед, надеясь избежать дальнейших неожиданностей. Удалившись на порядочное расстояние, она отдышалась и стала осторожно осматриваться по сторонам. Кажется, погони не было, нахальный незнакомец от нее отстал, и Настя вздохнула с облегчением. Определив, что лесное озеро должно быть слева, она направилась туда. Шаги ее были уверенными, но в голове царил сплошной сумбур, какая-то мешани-

на из тревоги, страха, волнения и совершенно непонятной радости. Почему-то перед мысленным взором вдруг ясно обрисовалось лицо только что встреченного мужчины. Препираясь с ним, она даже толком не рассмотрела, каков он из себя, теперь же вдруг отчетливо осознала, что, пожалуй, его можно назвать привлекательным. Он представлял собой тип суровой северной красоты — высокий, плечистый, светловолосый, с мужественным лицом и синими глазами. Именно такими Настя представляла древних варягов.

Интересно, кто он и откуда? Явно не простолюдин и, судя по разговору, человек образованный. Наверное, приехал в гости к кому-то из здешних помещиков. Но что-то опасное было в его взгляде и в насмешливой повадке, что-то такое, от чего всегда находчивая Настя терялась. «Станный, подозрительный, наглый человек, и не надо больше о нем думать», — мысленно приказала она самой себе.

Впрочем, ее размышления о таинственном охотнике продлились недолго, потому что вдруг со стороны озера послышались знакомые голоса, зовущие ее по имени. Девушка встрепелулась и бросилась на зов, радуясь, что наконец-то нашла своих спутников.

Между деревьями блеснула водная гладь, и скоро Настя уже была на берегу тихого лесного озера, заросшего лилиями и кувшинками. Навстречу ей выбежала Ольга, лицо которой напоминало маску испуга.

— Настуня! Слава Богу, хоть с тобой ничего не случилось! — воскликнула Ольга, обнимая подругу. — Говорила ж я тебе, чтоб не отставала от нас, не искала в одиночку. Видишь, к этому озеру девушкам нельзя и близко подходить...

Ольга в голос зарыдала, а Настя, глянув ей через плечо, увидела на берегу Савву и Тараса, склонившихся над чьим-то телом. Бросившись к ним, она с ужасом убедилась в страшной догадке: на земле лежала бездыханная Раина в изорванной одежде, покрытой пятнами запекшейся крови.

— Горло перерезано, — мрачно сказал пожилой казак Савва и почесал затылок. — Ох, не надо было ей в актерки идти. Пока жила в своей убогой хате, никто ее не трогал. А теперь

нашелся какой-то леший. Эх, и родители-то ее непутевые, небось, не сильно о ней пожалеют... Вот небога-то...

— А может... ее загрызла озерная девка... — робко предположила Ольга, стараясь не глядеть на окровавленное тело Раины. — Ведь Ивана Купала приближается, утопленница скучает...

— Полно тебе бабьи сказки повторять, — строго сказала Настя, хотя у самой пробежал по телу холодок суеверного страха.

У лесного озера была таинственная и мрачная легенда. Местные старухи рассказывали, что когда-то в этом озере утопилась девушка, которую обесчестил один богатый барин. Случилось это во время игрищ на Ивана Купала: своенравная, взбалмошная девушка отстала от своих подруг, и насильник затянул ее в кусты на берег озера. С тех пор прошло уж много лет, но каждый год, как приближается день Купалы, несчастная девица по ночам выходит из озера и ищет себе подружек, без которых ей скучно. И беда той девушке, которая в эти вечера забредет к озеру. В иные годы, бывало, пропадали они неведомо куда, а потом люди видели по ночам на берегу не одну, а двух, трех, а то и больше девиц.

Услышав эти «бабьи сказки», Настя рассмеялась: «Ну, если утопленница каждый год затягивает хотя бы по одной подруге, так в озере, должно быть, уже образовался целый женский монастырь».

Но, как ни защищалась Настя насмешками от безотчетного страха, а все же и ей стало не по себе на берегу зловещего озера.

— Правда, Олю, не верь всяким дурным старухам, — сказал Тарас, обнимая невесту. — Я вот думаю, что какой-то недобрый человек заманил Раину в лес, насильничал, а потом и убил.

— Мы того не знаем, насильничал или нет, — заметил Савва. — А я вот еще думаю, не мог ли ее порешить тот юродивый, что у попа живет? Он недавно грозился, когда мимо гетманского парка проходил. Кричал, что покончит с бесовскими игрищами... актерок называл блудницами вавилонскими...

Все приумолкли, вспомнив полусумасшедшего церковного служку Юхима, который и в самом деле не раз потрясал кула-

ком в сторону театра. Впрочем, трудно было поверить в серьезность его угроз.

И вдруг Настя подумала о незнакомце из леса. Почему-то разом всплыли в памяти и его раздваивающие глаза, и карабин за плечом, и нож у пояса, и клыки его собаки... Недолго думая, девушка заявила:

— Я встретила в лесу одного подозрительного человека! Вдруг это он убил Раину? Если бы у меня не было с собой пистолета, то, кто знает... может, и я бы... — Настя замолчала, представив свою страшную участь.

— И где он, далеко? — забеспокоился Савва. — Кажется, вон с той стороны мы слышали выстрел. Уж не он ли стрелял?

— Да, он, — подтвердила Настя. — Хотел показать мне свою меткость. А может, просто пугал.

— Тогда скорей надо отсюда выбираться, — заявил Тарас. — Мало ли какие злодеи бродят по лесу. Давай, дядя Савва, положим Раину на мою свитку и понесем.

— Дорога тут рядом, попросимся на какой-нибудь воз, да и довезем небогу до места, — вздохнул Савва.

Пока шли, Ольга шепотом расспрашивала подругу о таинственном незнакомце, но Настя только пожимала плечами и отвечала одно и то же:

— Очень подозрительный и опасный человек. Такой вполне мог заманить девушку.

Глава вторая

Ошибка Насти

В глубине обширного гетманского парка, окружавшего дворец, располагалось помещение для актеров. Здесь же, в двух небольших комнатках, обитал главный театральный распорядитель Иван Шалыгин. Он был сыном бедного полтавского казака Леонтия Шалыги, некогда воевавшего против янычар и раненного под Яссами, где его храбрость была по достоинству оценена молдавским господарем Дмитрием Кантемиром. Впоследствии Кантемир поселился в России; царь Петр пожаловал ему поместья и титул светлейшего князя. А Иван Шалыгин, рано осиротев, был взят в услужение к Антиоху — сыну Дмитрия Кантемира. Способности Ивана и тяга его к наукам были замечены господами, и молодой князь назначил парня своим младшим секретарем. Тогда были темные, жестокие времена Анны Иоанновны, Антиох своими дерзкими сатирами пришелся ей не ко двору, и скоро его назначили послом в Англию. Вместе с князем Кантемиром в почетную ссылку поехали и его секретари.

Вот так и получилось, что сын простого казака Шалыги жил в Лондоне, а потом и в Париже, научился двум языкам и до страсти полюбил английский и французский театр.

Но после смерти Антиоха Дмитриевича Ивану пришлось вернуться на родину, от которой он уже успел порядком отвыкнуть. Подвизаясь то учителем в богатых семьях, то секретарем Киевского и Переяславского коллегиумов, он однажды был замечен Тепловым и приглашен на службу в гетманскую канцелярию, где занимался переводами английских

и французских книг. А уж там и до театральной стези оказалось недалеко...

Иван Леонтьевич, ошеломленный известием об ужасной участи Раины, в мрачной задумчивости стоял возле боковых ворот гетманского двора. Впервые за тридцать шесть лет своей жизни он так близко столкнулся с преступлением. Слышал о страшных казнях, о разбойниках-душегубах, о жестоких войнах; видел леденящие кровь убийства на сцене и не раз представлял их в своем воображении, — но чтобы так, наяву, да в мирное время, — этого ему покуда наблюдать не приходилось, Бог миловал казацкого сына от столкновений с кровавыми зверствами. Конечно, Шалыгин послал людей за приставом, да только, будучи человеком умным, он не верил, что кто-то из чиновников сможет найти злодея. Скорей всего, и заниматься делом об убийстве бедной девушки всерьез не будут. А простые люди все спишут на ведьму из озера.

А тут еще Ивану Леонтьевичу докучали своими советами и предположениями помощники и всякие любопытные доброхоты. Ольга, другие актеры, а также дворовые бабы были уверены, что во всем виновата озерная нечисть, Тарас и Савва поддерживали версию о неизвестном насильнике, супруги Боровичи все валили на озлобленного дурачка Юхима, а их кузина, самонадеянная девица Анастасия, и вовсе подозревала какого-то странного охотника, встреченного ею в лесу. Суждения панны Криничной вызывали у Ивана Леонтьевича особенный скептицизм. Надо сказать, что Шалыгин, хоть и был человеком просвещенным, не очень-то жаловал чрезмерно независимых особ женского пола, которые, едва научившись грамоте, уже считали себя достойными заседать в ученом совете. Впрочем, Анастасия, для которой родители не поскупились на хороших учителей, была действительно образованная девица, да и собою очень хороша, но Иван Леонтьевич слишком ценил свою душевную свободу, чтобы позволить себе смотреть на девушку мужскими глазами и выражать ей восторг. К тому же он понимал, что ни происхождением, ни своей непритязательной внешностью никак не может

рассчитывать на перспективы какой-то взаимности, а потому видел в Анастасии лишь актрису. Он вообще был холостяк по убеждению, а скромные потребности свои на ниве Эроса удовлетворял с собственной экономкой — приятной вдовушкой из простых мещан.

Выслушав все доводы доморощенных полицмейстеров, Иван Леонтьевич покачал головой и усталым голосом изрек:

— С озерной нечистью пусть попы разбираются. Юхима допросит пристав. Ну а на предмет насилия бедную Раину должен осмотреть врач. Что же до вашей версии, Анастасия Михайловна, так она самая ошибочная. Вы говорите, что встретили охотника незадолго до того, как подойти к озеру, так? Но, если б это он зарезал Раину, кровь бы еще текла из раны. А поскольку кровь давно запеклась, можно сделать вывод, что несчастную убили вечером или ночью.

Слегка пристыженная Настя на пару секунд замолчала, но потом все-таки нашлась:

— А если этот охотник и вчера бродил по лесу? Он мог убить Раину вечером, а утром отправиться на охоту за другими девушками.

И вдруг за спиной у Насти раздался зычный и слегка надтреснутый голос:

— Какой это охотник испугал нашу прекрасную панночку?

Настя с неудовольствием оглянулась на пришедшего. Тучный и краснолицый господин лет тридцати с лишком вытирал пот со лба и умильными глазами смотрел на девушку. Это был судебный заседатель Остап Борисович Новохатько, давний знакомый семьи Криничных, который в последнее время стал уж очень докучать Насте своим вниманием. Его деревня была по соседству с Криничками, и он в былые годы не раз приезжал в гости к родителям Насти. Потом, женившись на дочери нежинского сотника, он и сам поступил на службу, уехал в Нежин, а после — в Глухов. Года два назад Остап Борисович овдовел, детей у него не было, и жил он пока бобылем. Встретив в Глухове Настю, которую не видел уже лет шесть, он был поражен превращением угловатого подростка в прелестную девушку, что к своим двадцати годам достигла полного расцвета как

внешностью, так и живостью ума. Теперь Настя не знала, как отбиться от его настойчивых ухаживаний, а Новохатько, все-речь считавший себя покорителем женских сердец, пребывал в полной уверенности, что девушка просто кокетничает, дабы набить себе цену. Он стал являться незванным на репетиции в театр, где его красноречивые взгляды и вздохи уже служили предметом насмешек актеров и слуг. А знаток языков Иван Шалыгин для смеха вздумал перевести фамилию Новохатько на итальянский лад и, заметив, что «хата» — это «каза», а «новая» — «нуова», говорил, что Настиного обожателя можно называть «синьор Казанова».

Давно ходили слухи, что гетман собирается отделить суд от войсковой управы и учредить для решения гражданских дел земские и подкоморные суды. Остапа Борисовича прочили на должность земского судьи от Глухова, потому и называли его многие заранее судьей, хоть он был пока только заседателем в сотенном суде.

— Пан судья, зачем вы утруждались приходить к нам? — захлопотал Шалыгин с показным почтением. — Мы бы сами пришли к вам в присутствие и доложили о злодействе, виновник которого известен, увы, только Богу.

Иван Леонтьевич, когда хотел, умел изъясняться складно и велеречиво. Боровичи ему вторили, обращаясь к важному чиновнику с еще большим почтением. Но Остап Борисович отличался тугодумием и не сразу понял, что к чему, да еще и стремился расспрашивать не всех, а одну только Настю. Предоставив Шалыгину и другим вести разговор с полицейским приставом, Новохатько отвел Настю в сторону, и она с досадой вынуждена была ему подчиниться. Разговаривая с назойливым поклонником возле беседки, девушка вдруг услышала со стороны ворот до странности знакомый голос:

— Ванька! Шалыга! Ну наконец-то я тебя нашел! Так ты теперь при гетмане, как был Мольер при Людовике XIV?

Настя повернула голову и увидела, что Шалыгин с распростертыми объятиями бежит навстречу тому самому подозрительному охотнику и радостно восклицает:

— Неужели это Денис Томский собственной персоной?

Настя, стоявшая поодаль от ворот, да еще в тени беседки, не была сразу замечена незнакомцем и успела шепнуть собеседнику:

— Глядите, Остап Борисович, это тот самый человек, охотник из леса.

— Он? Так это ж племянник помещицы Томской! Он вчера прибыл из Киева, заходил в городскую управу, я его видел. Так это его вы приняли за разбойника? Ой, не могу!.. — И Новохатько разразился оглушительным хохотом.

Настя от досады готова была разорвать влюбленного чиновника, потому что его нелепый смех тут же привлек внимание давешнего незнакомца, который, едва оглянувшись, сразу заметил Настю и, сделав в ее сторону один шаг, с усмешкой спросил у Шалыгина:

— Наверное, эта смуглянка исполняет в вашем театре роли злодеек? В лесу я ее принял сперва за нимфу, а потом — за фурию.

— Она о тебе тоже нелестно отозвалась, — заметил Шалыгин, уже сообразивший, что именно его приятель и был предметом Настиних подозрений. — И чуть не послала по твоему следу служителей Фемиды.

— Да? — «Охотник» обвел взглядом собравшихся во дворе людей и снова обратился к Шалыгину: — А что у вас тут стряслось? Кажется, я не вовремя?

— Сейчас расскажу, — вздохнул Иван Леонтьевич и, взяв приятеля под руку, почти на ходу отрекомендовал его окружающим: — Мой давний знакомец — дворянин Денис Андреевич Томский, ученый, путешественник, охотник и знаток изящных искусств.

Шалыгин увел Томского по аллее в глубину сада, а Насте пришлось терпеть докучные расспросы и еще более докучные любезности Остапа Борисовича. Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу и почти не слушала собеседника. В ее голове вертелась неожиданная новость о том, что подозрительный незнакомец, оказывается, — племянник молодой и хорошенькой вдовушки Веры Томской.

Про Томскую говорили, что муж у нее был пожилым, на много старше ее, что после его смерти она почти не жила в сво-

ем глуховском поместье. Три дня назад Настя познакомилась с ней на «ассамблее», которую Новохатько вздумал устроить в своем доме. Там кто-то спросил Томскую, отчего она так редко украшает своим присутствием здешние места, и вдовушка кокетливо рассмеялась: «Знаете, когда привыкнешь к петербургской жизни, провинция немного скучна. Я потому в этот раз тут задержалась, что жду гостя. Должен приехать племянник моего покойного мужа. Он изучает древности, сейчас находится в Киеве, а потом обещает погостить у меня в имении. Посмотрит Глухов и окрестности». Одна бойкая девушка поинтересовалась: «А ваш племянник молод ли, хорош?», на что Вера с тонкой улыбкой ответила: «Не зарьтесь на него, красавицы, он мой жених». Старухи стали перешептываться: «Как же так, ведь нельзя, это грех, он же родич ее мужу». Но родство у Веры с «племянником» было не кровное, а потому вдовушка могла не бояться осуждения.

По обрывкам разговоров Настя даже узнала историю семьи Томских. Два брата — Андрей и Лев — при Анне Иоанновне были отправлены в ссылку за то, что участвовали в знаменитом «деле Волынского». Затем, после воцарения Елизаветы Петровны, когда многие опальные стали возвращаться из ссылок и восстанавливаться в прежнем значении, братьям Томским были пожалованы чины и земли. Старший, Андрей, вскоре умер, оставив жену и сына. Лев, не имевший семьи, женился на бедной уездной дворяночке Вере, пленившей его своей молодостью и красотой. Одно из новопожалованных имений Льва было на северо-восток от Глухова, и он иногда здесь бывал, неизменно привозя с собой молодую жену. Говорили, покойник отличался ревнивым нравом и ни на минуту не оставлял Веру одну. И, глядя на кокетливую красавицу, никто не удивлялся его ревности.

Все эти разрозненные сведения разом всплыли в Настинной памяти, и девушка слегка поморщилась, представив надменный взгляд и голос «столичной львицы». Вероятно, «жених» ей под стать. Вместе с тем Настю разбирало любопытство, хотелось послушать, о чем говорят Шалыгин и Томский. И при первой возможности, как только судейский чиновник отвлек

Новохатько, она скользнула в сторону и, скрывшись за деревьями, пошла по аллее, вблизи которой могли находиться собеседники. Вскоре она услышала их голоса, приглушенные расстоянием и шелестом листвы. Они сидели на скамье, увитой шатром из дикого винограда. Настя приблизилась к ним сзади и, спрятавшись за широкий куст сирени, прислушалась.

Говорил Шалыгин:

— Вот такое у нас тут страшное происшествие. — Он тяжело вздохнул. — Ну, ладно, давай немного отвлечемся от мрачных дум. Значит, ты решил идти по стопам Василия Никитича Татищева?¹ Что ж, Клио — муза хорошая и к Мельпомене очень близкая. А какие новости у петербургских театралов?

— В Петергофе представляли «Гамлета» Сумарокова².

— Да ну? Это уж, кажется, третья постановка, — с оттенком зависти заметил Шалыгин. — А ведь знаешь, Денис, если по совести, так Александр Петрович трагедию Шекспирову уж слишком вольно переделал. А все потому, что не в подлиннике ее читал, а по французскому пересказу Лапласа.

— Да он и сам этого не скрывает, — заметил Томский, и в голосе его слышалась снисходительная усмешка человека, понимающего ревность одного творца к другому. — Александр Петрович так и говорит: «Гамлет мой, кроме монолога и окончания третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва-едва походит». Это вот ты, Иван, по-английски свободно читаешь, так мог бы и Шекспира перевести.

— А я уже сделал попытку, — понижая голос, сообщил поклонник музыки театра. — Только мне к приезду гетмана заказана не трагедия, а комедия. И знаешь, какое дело я задумал? Покажу наряду с французской одноактной пьеской сцены из Шекспировой комедии.

— Смелое новшество, — одобрил собеседник. — Какую же комедию ты выбрал?

¹ В. Н. Татищев — один из первых историков России.

² А. П. Сумароков — русский поэт и драматург, создатель канона русской классической трагедии.

— «Укрощение строптивой». Пьеса забавная, и в ней есть остроумные диалоги.

— И кто же у вас будет играть «the shrew»¹? Не эта ли черногоглазая фурия?

— Я еще колеблюсь между нею и Гликерией Борович. Но Гликерия у нас поет в «Служанке-госпоже»², она училась пению. Так что, может быть, роль в комедии поручу все-таки Анастасии...

— Да у вас, гляжу, солидный репертуар! — рассмеялся Томский. — Ты здесь — как Александр Петрович в Петербурге. И вот ведь совпадение: Сумароков служит старшему Разумовскому³, а ты — младшему.

— Увы, я не столько Кириллу Григорьевичу служу, сколько Теплому, — вздохнул Шалыгин. — Он в отсутствие гетмана всем тут распоряжается и в гневе бывает очень лют. А грубость его известна. Даже дамы на него жалуются. Вот недавно помещица Авдотья Журавка говорила, что он отнял у нее место в карете и она осталась на улице стоять под дождем. Признаюсь, я со страхом жду его приезда из Киева.

— Да, Теплов в доброте не замечен, — усмехнулся Томский. — А сейчас у него появились особые причины для раздражения. Я ведь с ним ехал от Москвы до Киева, и он всю дорогу произносил гневные тирады.

— А что случилось? — живо заинтересовался Шалыгин, тяготившийся своей зависимостью от всемогущего ментора.

— Дело в том, что Ломоносов еще зимой побранился с двумя нашими могуществами — Тепловым и Шумахером⁴. Михайло Васильевич требовал более сильного участия ученого корпуса в управлении Академией. После этого Шумахер с Тепловым донесли нашему Президенту Академии, а вашему гетману Кириллу Григорьевичу, что не могут присутствовать вместе с «нахалом» Ломоносовым в академических собраниях.

¹ «Строптивая» (англ.).

² «Служанка-госпожа» — одноактная опера-буфф Д. Перголези, итальянского композитора XVIII века.

³ А. П. Сумароков был адъютантом А. Г. Разумовского.

⁴ Шумахер — советник канцелярии Петербургской академии наук.

Кирилл Григорьевич послушал своего наставника, а также господина Коварнина, и запретил Михаилу Васильевичу являться в собрания.

— А «Коварнин» — это Шумахер?

— Да, это прозвище ему дал наш Михайло Васильевич. Оно бы, кстати, и Теплому подошло. Ну а дальше было так. Ломоносов написал Шувалову: «Я осужден, Теплов цел и торжествует. Президент наш добрый человек, только вверился в Коварнина. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова». Понятное дело, все дошло до Разумовского. Кирилл Григорьевич, слава Богу, обладает здравым смыслом, и сообразил, что жертвовать великим ученым в пользу коварного чиновника — дело неблагодарное и бесславное. И потому указание относительно Ломоносова он отменил и разрешил ему по-прежнему участвовать в собраниях. Теперь понимаешь, каков был гнев Теплова, когда он понял, что проиграл?

— Представляю, очень даже представляю лицо уважаемого ментора в эту минуту, — сказал Шалыгин с довольным смехом. — Надеюсь, его гнев уляжется к тому времени, как он приедет в Глухов.

— Думаю, что он еще задержится в Киеве недели на три, а то и дольше. Туда сейчас прибыли сербы, которых полковник Милорадович решил поселить между Бахмутом и Луганкой. Ну а Теплов, разумеется, желает лично поучаствовать в решении таких вопросов.

— Еще бы, без него в Гетманщине и вода не освятится, — усмехнулся Шалыгин.

Со стороны главной аллеи послышались приближающиеся голоса, среди которых Настя уловила и голос Новохатько. Подбрав юбки, девушка стремительно понеслась прочь, дабы не быть уличенной в подслушивании. Отбежав на расстояние, она какое-то время бесцельно бродила по парку, стараясь ни с кем не столкнуться, поскольку ей хотелось побыть в одиночестве. Настя, при всей ее внешней бравате, остро чувствовала любую неловкость в своем поведении и мысленно переживала те слова и поступки, из-за которых попадала впросак.

Вот и в этот раз она злилась на себя и краснела, представляя, как посмеется господин Томский над подозрениями глупой провинциальной барышни. Но кто бы мог подумать, что этот франт — не только столичный гость, но еще и ученый! Настя всегда испытывала особое уважение к людям, преуспевающим в науках и искусствах. До четырнадцати лет, пока живы были дед и бабушка по материнской линии, она часто и подолгу гостила у них в Переяславле, где был знаменитый коллегиум, в котором обучались люди из разных городов. В те годы там учился и Михаил Херасков, с семьей которого дружили старики Флештины. Настя тоже пыталась проникнуть в стены коллегиума и послушать какой-нибудь ученый диспут, но девочек туда не принимали, и ей приходилось довольствоваться домашними учителями и чтением книг. Когда родители возили ее в Киев, она выбирала там места для прогулок обязательно возле здания Академии, завидуя студентам и желая в такие минуты превратиться в существо иного пола.

Родители, особенно мать, не перечили Настиной склонности к наукам и при любой okazji привозили ей «Петербургские ведомости» и французские газеты. Оттого-то Настя знала, кто такие Ломоносов, Сумароков, Татищев, Шумахер и многие другие. Она не упускала случая поговорить об ученых людях с Шалыгиным. И, будь свидетелем ее глупой ошибки только Иван Леонтьевич, она бы не особенно смущалась, ибо, уважая его, не чувствовала рядом с ним ни малейшего волнения. Но одно дело — Шалыгин, маленький, щуплый, с уныло нависающим над губой толстым носом, а совсем другое — этот высокий и стройный «варяг», которого Настя даже могла бы назвать красавцем, если бы не заимела против него странного предубеждения. От этого Дениса Томского словно исходила невидимая опасность, которую Настя ничем не могла объяснить.

Интересно, а как сама она выглядит в глазах «варяга», особенно после своего конфуза с подозрением в убийстве? Раздумывая над этим, Настя не заметила, как подошла к гетманскому дворцу. Остановившись на некотором расстоянии, привычно полюбовалась его красотой. Это трехэтажное

каменное здание с колоннами служило местом паломничества для жителей маленького города, приподнявшего невысоко от земли свои соломенные, камышовые и деревянные крыши. Даже когда в Глухове не было гетмана с сопутствующими ему балами, охотами и театрами, дворец ясновельможного сам по себе являл для обывателей театр. Построенный в классическом стиле, дополненный с двух сторон каменными зданиями поменьше, окруженный английским парком, он днем гордо сиял на солнце, а вечером светился расточительным обилием огней («Иллюминацию устроили», — говорил знаток иностранных слов Шалыгин). Когда Настя в первый раз увидела этот дворец, смотревшийся в Глухове как драгоценный аграф на сером платье простого селянина, она вдруг подумала о недолговечности такой случайной, не укоренившейся красоты...

Повернув в сторону от дворца, Настя подошла к маленькому пруду, где бил ключ, и наклонилась попить воды. Мельком взглянув на свое отражение, вспомнила, что до сих пор не привела в порядок волосы. «Мало того что наговорила глупостей, так еще и предстала пегой, как кобыла. Ну уж и мнение будет обо мне у этого столичного франта!» Девушка плеснула воды на свои горячие от стыда щеки и быстро побежала к выходу из парка, желая поскорее попасть в дом брата, где она остановилась по приезду в Глухов.

Но ей не удалось без дальнейших конфузоз добраться домой. Вначале Настя вынуждена была остановиться, услышав близкие голоса Шалыгина и Томского. Друзья приближались ко дворцу со стороны фасада и тем самым преграждали ей путь к воротам. Она стала пятиться за угол, но собеседники, как назло, тоже направлялись в эту сторону. До Насти долетели слова Томского:

— А дворец весьма недурен. И природа здесь пышная, и климат для здоровья неплохой. А в Петербурге много людей чахоткой болеет. Медик Фома Тихорский говорит, это оттого, что столица на болотах построена.

— Да ну? — с усмешкой откликнулся Шалыгин. — А вот наш гетман писал императрице: «Сырой климат Глухова мне вреден, я могу получить облегчение от своей болезни только в благословенном климате Петербурга».

Собеседники рассмеялись, и даже Настя не смогла сдерживать улыбку, хотя про себя обозначила их разговор, как болтовню светских сплетников.

Продолжая отступать дальше за боковые пристройки, Настя вдруг наткнулась на какое-то препятствие — и тут же ее схватили сзади чьи-то руки. Девушка невольно вскрикнула и, оглянувшись, увидела прямо перед собой расплывшееся в улыбке лицо Новохатько.

— Вот вы где, панночка, а я вас ищу! — воскликнул он радостно.

Настя, конечно, тут же оттолкнула от себя влюбленного чиновника, но было уже поздно: Шалыгин и его спутник, повернув головы на голоса, успели все заметить.

— Теперь мне понятно, почему эта молодая особа меня обвиняла, — заявил Томский не без ехидства. — Ведь она, оказывается, невеста жреца Фемиды, а потому столь бдительна.

Новохатько не возражал против такого предположения, а Настя тут же возмутилась:

— Сколько можно попрекать меня моей ошибкой, сударь? Что же до Остапа Борисовича, так он мне вовсе не жених!

— А кто ваш нареченный, синьора? — полюбопытствовал Томский. — Есть такой в природе?

— Да уж не вы! — неожиданно для самой себя выпалила Настя.

— Бог мой, да я и не претендую на такую честь! — рассмеялся он, уперев руки в бока. — И, право, не завидую тому, кто ее удостоится.

— Да? А я не завидую вашей невесте — то есть Вере Томской! — продолжала дерзить Настя.

— А при чем здесь Вера? — удивился он.

— Здесь все знают, что вы ее жених! — сообщила Настя и оглянулась на судью. — Ведь правда, Остап Борисович, она это сказала на вашей ассамблее?

Новохатько послушно кивнул, а Томский с усмешкой заметил:

— Наверное, она пошутила. Или, может, хотела оградить меня от местных чародеек... таких, как вы.

— О, не волнуйтесь, я не буду на вас покушаться, даже если мне за это посулят золотые горы! — воскликнула Настя и, резко повернувшись, кинулась прочь со двора.

Вслед ей неслись какие-то остроты и восклицания, но она ничего не слышала, потому что в ушах громко пульсировала кровь. Остап Борисович пытался ее догнать и проводить до дома, однако девушка решительно отстранила назойливого поклонника.

В доме Настя немного успокоилась и даже мысленно побранила себя: «Ну зачем я так дерзко разговаривала с этим столичным гостем? Ведь он не какой-нибудь пустой повеса, а ученый человек. И не спесивый, если дружит с людьми из простого сословия, как Шалыгин. Другие-то петербургские дворяне, я слыхала, даже своего языка чуждаются, по-русски изъясняются ломано, а этот — складно, словно какой-нибудь пиит. А я-то показала себя перед ним дура душой. Вот и подумает: дикарка, плебейка, темнота деревенская».

Потом Настя вспомнила о несчастной Раине и стала еще больше себя укорять: «Тут такое злодейство совершилось, а я думаю о всяких мелочах! Что значит моя репутация по сравнению с участью бедной жертвы!.. Да и Шалыгин тоже хорош: болтает с приятелем о столичных новостях, вместо того чтобы искать неизвестного злодея! Как же все люди себялюбивы и тщеславны!»

Еще немного пофилософствовав о суетности человеческой природы, Настя уединилась в своей комнате и села писать письмо матери. Татьяна Степановна была в этом смысле строга и требовала, чтобы дочь давала ей письменные отчеты о своей жизни в Глухове не реже, чем через день.

Дом супругов Боровичей был одноэтажный, как почти все глуховские дома, и состоял из восьми комнат и многочисленных наружных пристроек и веранд. Настина комната выходила окном на улицу, и девушка могла, отодвинув занавеску, наблюдать за прохожими. Сейчас она тоже рассеянно посмотрела в окно — и заметила, что улица более оживлена, чем обычно. Люди по двое, по трое шли в сторону гетманского дворца. У ворот дома напротив, где жил богатый купец Куль-

Содержание

Чужой клад, или Озеро страха

<i>Глава первая</i>	
Встреча в лесу	7
<i>Глава вторая</i>	
Ошибка Насти	20
<i>Глава третья</i>	
Еще одна жертва	35
<i>Глава четвертая</i>	
Ночное приключение	49
<i>Глава пятая</i>	
Разговор за ужином	69
<i>Глава шестая</i>	
Разбойники в масках	84
<i>Глава седьмая</i>	
Нападение	94
<i>Глава восьмая</i>	
Закрытая коляска	106
<i>Глава девятая</i>	
Неудавшееся покушение	117
<i>Глава десятая</i>	
Бродячий философ	136
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Беспокойная ночь	156
<i>Глава двенадцатая</i>	
Тайна погибшего садовника	172

<i>Глава тринадцатая</i>	
Неожиданная ссора	185
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Благородные вдовы	200
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Сватовство на сцене и в жизни	214
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Праздничные заботы	234

Проклятое поместье

<i>Глава первая</i>	
Новый сосед	245
<i>Глава вторая</i>	
Продолжение знакомства	271
<i>Глава третья</i>	
Прерванное свидание	287
<i>Глава четвертая</i>	
Рассказ Егора Лукича	300
<i>Глава пятая</i>	
Беседка искушений	311
<i>Глава шестая</i>	
Горькая правда	328
<i>Глава седьмая</i>	
Поездка в Москву	348
<i>Глава восьмая</i>	
Свидетельница преступления	357
<i>Глава девятая</i>	
Друзья по несчастью	370
<i>Глава десятая</i>	
События и чувства	395
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Опасность	416
<i>Глава двенадцатая</i>	
Развязка	430

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання кризь століття»

ДЕВИЛЬ Александра

Чужий скарб

(російською мовою)

Роман

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 30.01.2020. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 23,52.
Наклад 3600 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Відруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДЕВИЛЬ Александра

Чужой клад

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 30.01.2020. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 3600 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Середина XVIII сторіччя, Глухів — столиця Гетьманщини. Бали, театри, кав'ярні, англійські парки, французькі моди... До чергового приїзду гетьмана готується театральна постава. І раптом одна за одною гинуть дві молоді акторки. Небезпека загрожує й Анастасії Криничній, яка виконує головну роль у п'єсі...

Вирішити зловісну загадку береться чоловік, який на початку знайомства видався Насті вельми підозрілим.

Девиль А.

Д25 Чужой клад : роман / Александра Девиль. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 448 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-7658-1

Середина XVIII века, Глухов — столица Гетманщины. Балы, театры, кофейни, английские парки, французские моды... К очередному приезду гетмана готовится театральная постановка. И вдруг одна за другой погибают две молодые актрисы. Опасность грозит и Анастасии Криничной, исполняющей в пьесе главную роль...

Решить зловещую загадку берется человек, который в начале знакомства показался Насте весьма подозрительным.

УДК 821.161.1(477)